РАДОСТЬ БЕНЕФИСА

Эта пьеса кажется написанной специально для Елены Николаевны Гоголевой: ее трагического темперамента, озорной характерности, грациозного изящества. И мудрости, рожденной не только прожитыми годами, но и сыгранными ролями: от Джессики из «Венецианского купца» Шекспира — так она дебютировала в Малом — до Арины Петровны из «Господ Головлевых» Салтыкова-Щедрина — прошлогодней ее работы.

Образ Мамуре в одноименной пьесе Ж. Сармана не похож ни на один из созданных актрисой раньше. Но вместе с тем он как бы вбирает в себя черты всех предыдущих.

В этом нет ничего удивительного. Ведь Гоголева относится к той категории актеров, которые узнаваемы в каждой своей роли. Однако узнаваемость эта — не итог тиражирования одних и тех же приемов, переносимых из роли в роль, а свидетельство яркой индивидуальности. Того, что называется лица необщим выраженьем и что не спрячешь ни под каким гримом.

Гоголева считается представителем романтической школы на сцене. Но ее работы последних сезонов говорят о том, что и бытовые краски не чужды актрисе. Роль Мамуре сплетает воедино быт и романтику, причудливо перемежая трагедийное и комическое. И Елена Николаевна Гоголева, исповедующая присущую Малому театру яркость красок, броскую четкость рисунка, азартный артистизм, в «Мамуре», сохраняя все эти качества, ухитряется плести такие тонкие кружева, что роль, как оренбургскую шаль, кажется, можно протянуть через колечко...

На сцене идет представление комедии, трагедии, пасторали. Смесь жанров, вычурная вязь интриги, калейдоскоп образов: мы бы сказали — разгул театральности. Но вкус режиссера заставляет искать иное определение. Манящую стихию розыгрыша, заложенную в пьесе, он обуздал четким ритмом спектакля, чуть-чуть притушил звонкость балаганного хохота... Не будь этого — в спектакле не прозвучала бы так щемяще пронзительно трагическая нота. А именно она острием своим направлена в зал. Эта нота в гамме происходящего принадлежит 106-летней героине пьесы — Мамуре.

На подмостках мотивы трагедии прорываются сквозь комедийный антураж. В зале слезы сквозь смех. Чудо искусства рождается естественно и непринужденно. Понимание того, какой при этом совершается труд, приходит позже, когда пытаешься поверить «алгеброй гармонию». Сама актриса считает, что наиболее сложным было сыграть возраст героини. Думается, не менее трудно было заставить зал поверить в способность сердца не переставать любить. Той самой Дантовой великой любовью, которой Мамуре учит на сцене своих правнуков и правнучек, а со сцены — весь зал. Нигде не разрушая чисто французской, чуть фривольной легкости и изящества, актриса делает пьесу исповедью о трагически не состоявшейся судьбе, любви, которой не хватило смелости, но хватило терпения и памяти. В три часа сценического действия вмещается вся нелегкая жизнь женщины: 106 лет труда, трагических утрат, несбывшихся надежд. Какое же нужно иметь мужество, чтобы при этом сохранить свою живую душу. Не дать зачерстветь, покоробиться, онеметь. Об этом — роль. И в конечном счете — весь спектакль.

Бенефис, как утверждает толковый словарь русского языка,— спектакль в честь одного из участников. Во всем, что изобретательно придумано и сделано режиссером Б. Львовым-Анохиным и всеми участниками спектакля в «Мамуре», ощущается радостная атмосфера бенефиса. Праздника в честь актрисы, которая украшает прославленную сцену вот уже шестидесятый сезон.

С. ОВЧИННИКОВА.

Москва
30 АНВ 1979